

PlanetLockdown: документальное подтверждение глобального преступления

Фильм „PlanetLockdown“ (Локдаун Планеты) документирует нашу жизнь и то, что произошло с нашим миром за время ковида 19. Фильм приводит рассказы очевидцев-современников со всех концов земного шара и тем самым поднимает свой голос в опровержение официальных освещений событий и изложения истории политиками и СМИ. Этот материал является также „отчетом судебной экспертизы,“ для последующих судебных расследований.

Source News – это имя журналистской платформы в интернете, которая находится в Шотландии. Согласно Source News, их фильм „PlanetLockdown“ (Локдаун Планеты) является документальным фильмом о нашей жизни и о том, что произошло с нашим миром за время повестки COVID-19. Фильм приводит рассказы очевидцев-современников со всех концов земного шара и тем самым поднимает свой голос в опровержение официальных освещений событий и изложения истории политиками и СМИ. Этот материал является также „отчетом судебной экспертизы для последующих судебных расследований, так как вся повестка COVID-19 – коварно спланированное и глобально организованное преступление против человечества. После короткого периода послабления мер против коронавируса уже сейчас очевидно, что те же самые закулисные манипуляторы намереваются навязать нам разрушительное состояние затяжной пандемии, и именно поэтому документальный фильм „PlanetLockdown“ приобретает особенно важное значение в качестве руководства.

Документальный фильм „Planet Lockdown“ (субтитры):

На момент нашего вечернего выхода в эфир, большая часть Америки закрывается. Мы закроем ваш бизнес. Мы вас арестуем и посадим в тюрьму. Он меня душит.

Тираны всегда прикрывались благосостоянием человечества. Это всегда служило предлогом.

Я думаю, местные карантинные учреждения будут необходимы в будущем. Они так же понадобятся для невакцинированных людей.

Сейчас я объявляю предупреждение, да? Внимание! Это официальное предупреждение... в стране чрезвычайное положение из-за КОВИДа 19. Мы просим всех оставаться в помещении, спасибо за сотрудничество. Вы такого будущего хотите для нас всех?

Здравомыслящие люди, присоединяйтесь к нам. Присоединяйтесь к нам.

Дело не в противостоянии четвертой волне. Всё дело в противостоянии людям.

Мы не подчинимся. Мы не подчинимся. Мы не подчинимся. Мы не подчинимся. Мы не

подчинимся. Мы не подчинимся.

Кнут Витковски: (Эпидемиолог, Нью-Йорк): Мы в очень странной ситуации. Всё, что касается короны, локдаунов и прочего, очень странно. Начнём с этого. Я никогда не видел Большой Газон таким пустым. Это не жизнь. Правительство разрушает жизнь людей, просто нагоняется страх, заставляя людей поступать людей иррационально.

Александра Анрион-Кауд: Я была очень озадачена с самого начала, то есть, меня насторожило, что мы делаем не совсем правильные вещи.

Бишоф Шнайдер: (Казахстан): Это было похоже на программу, на организованную акцию, которая проводилась почти одинаково во всём мире.

Райнер Фюльмих: Это должно быть, какой-то план, если выясняется, что пандемия – не пандемия, а просто нечто вроде обычного гриппа и, если выясняется, что люди, рассказывающие нам о ПЦР-тестах, лгут нам. Поэтому предстаёт следующий вопрос: кто и с какой целью это делает?

Вольфганг Водарг: Это очень, очень серьёзный вопрос, который не имеет ничего общего с гигиеной, потому что относится к криминологии.

Кэтрин Остин-Фиттс: Вы обязуетесь регулярно слушаться и выполнять бессмысленные нелогичные действия.

Дэвид Мартин: Неужели мы сами подпитываем систему, которая вредит нам? Если у вас есть страх, искорените его, если вы решили, что кто-то или что-то важнее вашей свободы, пересмотрите это решение и заявите о своей свободе от этого тоже, чем бы это ни было.

Кайл Уорнер: (Профессиональный горный байкер): Я думаю, самое сложное во всём этом опыте – чувство одиночества, и когда нам говорят, что мы не имеем значения или что мы сумасшедшие, и что нас приносят в жертву ради высшего блага. Это самое трудное для меня.

Вацлав Клаус: (Президент Чешской Республики): Коммунистическая система очень хотела разделить нас. Это не называли социальной дистанцией, но на деле за этим стояла та же идея и та же логика не позволять нам собираться вместе, общаться, чтобы потенциально не подготовить революцию и не уничтожить коммунизм.

Кнут Витковски: (Эпидемиолог, Нью-Йорк): Я хочу, чтобы люди снова чувствовали себя свободными. Не угнетёнными и заключёнными.

Майкл Йидон: (Вицепрезидент фон Пфайзер): Когда я впервые услышал слово локдаун, я, надеюсь, как и большинство людей, подумал, этот термин используется в отношении контроля над буйными заключёнными.

Джефф Дейст: В тюрьме есть изоляторы, и в случае каких-либо неприятностей, всех заключённых запирают в своих камерах, чтобы они не мешали решать проблему. Но мы не заключённые в обществе. Мы не подданные короля. Мы должны быть гражданами при демократии, основанной на взаимном участии.

Майкл Йидон: (Вицепрезидент фон Пфайзер): Это меры для установления контроля. Я считаю, что практически всё происходящее после объявления пандемии, связано с контролем.

Джефф Дейст: Так что, когда вы слышите слово «локдаун», это должно вызвать тревожные звоночки где-то в глубинах вашего сознания, потому что это не та лексика, которую политики могут использовать в каком-либо свободном обществе.

Алессандро Фузилло: Мне с самого начала было ясно, что это неконституционно. Это совершенно незаконно.

Андрес Куомо: (бывший губернатор штата Нью-Йорк): Вентиляторы, вентиляторы, вентиляторы. Что мне делать с 400 аппаратами искусственной вентиляции лёгких, если нужно 30 000? Несколько недель назад я даже не знал, что такое ИВЛ. Сгладить

кривую, сгладить кривую, сгладить кривую.

Джей Ричардс: (профессор, автор книги "Цена паники"): Нарратив COVID 19 начался с середины весны с идеи сглаживания кривой, якобы мы хотим замедлить распространение. На самом деле, кампания Белого Дома по замедлению распространения длилась 15 дней, и причина в необходимости сглаживания кривой была в том, что нам нужно было увеличить госпитализацию людей.

Александра Анрион-Кауд: И причина в необходимости сглаживания кривой была в том, что нам нужно было увеличить госпитализацию людей.

Джей Ричардс: (профессор, автор книги "Цена паники"): Ну на самом деле произошло то, что система здравоохранения впитала потрясение. У нас были тысячи коек в Javits Center, который всё ещё был открыт и военный корабль возле Манхэттена, от которого не было никакого толку. И внезапно история кардинально изменилась. Повествование незаметно перешло в вид накатывающегося шквала – локдаун, закрытия, карантины и ношение масок, предположительно для того, чтобы предотвратить распространение самого вируса.

Франц Аллербергер: (глава Австрийского агентства по охране здоровья и безопасности пищевых продуктов): Тогда ВОЗ попросила устранить вирус, утверждая, что мы в состоянии одолеть его с помощью ограничений. А это возможно? Устранить вирус? Определённо нет. Определённо нет.

Джей Ричардс: О чём бы не спорили мы в начале, теперь у нас есть доказательства, и мы знаем, что мы можем сравнить штаты, которые вводили ограничения и которые этого не сделали. Мы можем сравнить страны, где были локдауны с теми, где их не было.

Александра Анрион-Кауд: В странах, где вводилась самоизоляция, был пик заболеваемости, альпийская вершина, можно сказать, тогда как в Швеции наблюдалась гораздо более плоская кривая, хотя там не было никаких локдаунов.

Джей Ричардс: Нам хотелось бы верить, что блокировки хотя и были дорогостоящими, но, по крайней мере, принесли пользу. В реальности же, локдауны это сплошная боль и никакой выгоды.

Майкл Йидон: (Вицепрезидент фон Пфайзер): Итак, что мы обычно делаем – мы отправляем больных на карантин. Мы всегда так делали. Мы помещаем больных в карантин, потому что это предотвращает заражение широких слоёв населения. Но идея карантина здоровых людей, так называемая всеобщая изоляция – это новое изобретение, которое не имеет под собой никаких оснований, ни в науке, ни в истории борьбы с эпидемиями.

PBS NEWS HOUR: Мы должны приобрести коллективный иммунитет, чтобы покончить с самоизоляцией и возобновить работу предприятий. То есть, молодые, здоровые люди должны заражаться естественным путём. Уязвимых нужно защитить, и таким образом мы достигнем коллективного иммунитета.

Большинство экспертов в области общественного здравоохранения говорят, что это опасный путь.

Мне кажется это крайне не реально.

Джей Ричардс: Коллективный иммунитет – это не столько политика, сколько просто факт природы.

Андрес Куомо: (бывший губернатор штата Нью-Йорк): Не существует супергероев, застрахованных от этой болезни.

Александра Анрион-Кауд: Странен сам факт того, что возникновение у нас иммунного ответа поставили под сомнение. Это очень странно.

Скотт Дженсен: (семейный врач, бывший член Сената Миннесоты): Мы должны

извлечь из этого несколько суровых уроков. Я говорю о должном уважении к десятилетиям работы и научных исследований, которые внесли вклад в наше сегодняшнее понимание вирусологии, заражения, эпидемиологических факторов. У нас случилось, что нам говорили надеть маску, если мы хотим попасть из точки А в точку Б, но как только мы достигнем точки Б, мы можем снять её. Ведь там это уже не важно. Мы принесли в жертву науку и бросили к её ногам паники и сумасшествия.

Сучарит Бхакди: Имеют ли подобные ограничения в общественной жизни хоть какой-либо смысл? Нет, никакого. Именно поэтому они должны быть отменены немедленно. Все.

Доктор Йохан Гизеке: (бывший государственный эпидемиолог Швеции, советник ВОЗ, Шведское государство): Закрытие границ, закрытие школ, социальное дистанцирование почти никакой науки не стоит за большинством этих мер.

Скотт Дженсен: Мы действительно не можем взять и закончить такой кризис как этот при помощи политиков, бюрократов, академиков и интеллектуалов.

Сучарит Бхакди: COVID-19 по летальности приблизительно эквивалентен сезонному гриппу.

Доктор Джон Иоаннидис: (ученый, профессор медицины Стэнфордского университета): Уровень смертности от инфекции этого нового коронавируса, находится в одном диапазоне с сезонным гриппом.

Доктор Йохан Гизеке: Я думаю, это больше похоже на тяжёлый сезон гриппа, с процентом смертности 0,1% возможно.

Майкл Йидон: Учитывая, что этот вирус, в худшем случае, представляет собой немного больший риск для пожилых и больных, чем грипп, и меньший риск для почти остальных, кто моложе и в хорошей физической форме. Никогда не было необходимости что-либо с ним делать. Нам не нужно было ничего делать. Это всё лишнее: локдауны, маски, массовые тесты, и даже вакцина.

Скотт Дженсен: Я сидел за своим столом, в тот день я был завален работой с больными пациентами, попутно пытаюсь разобраться с происходящим в Сенате. И вот я пролистываю электронные письма, прокручиваю вниз и нажимаю на письмо от Министерства здравоохранения. И когда я дочитал сообщение до конца, то увидел, что там мне даётся указание диагностировать COVID-19 в таких случаях, когда я бы даже не диагностировал грипп или любой другой специфический вирусный диагноз, не получив сначала результаты анализов. И честно говоря, я сразу подумал: чёрт возьми. Так же не делается. И что меня сразу взбесило, так это то, что я почувствовал, что меня тренируют продолжать ставить диагноз COVID-19 без тех же стандартов точности, которых я всё время придерживался в других случаях. Я считаю, что если я собираюсь поставить диагноз, то как врач, я обязан использовать все доступные мне инструменты, чтобы сделать это с максимально возможной точностью. И мне показалось, это письмо из Министерства вместе с ссылкой на документ из Центра контроля заболеваемости, в котором говорится, что я могу указывать COVID-19 как причину смерти в свидетельстве о смерти. Мне показалось, что эти два документа вместе шли вразрез со всем, чему меня учили и чем я занимался в течение последних 35 лет.

Майкл Йидон: Произошли огромные изменения в определении причин смерти. У нас никогда не было ничего настолько абсурдного, как правило, которое используется сейчас. Итак, если вы умрёте в течение 28 дней после положительного результата теста, притом, неподходящего для диагностики теста с использованием молекулярной биологии, тогда вы будете объявлены умершим от COVID-19. Это просто неправильно. Знаете, это не вопрос профессиональных разногласий, это просто полная чушь.

Доктор Нгози Эзике: Технически, если даже вы умерли явно от других причин, но у вас

был COVID, это всё равно будет зарегистрировано, как смерть от COVID. Так что не все, кто числится в списке погибших от COVID, на самом деле умерли от него. Просто им перед смертью поставили им этот диагноз. Надеюсь, это поможет.

Рон Десантис: В ЦКД сказали, что все, у кого положительный тест, и кто потом умирает, входят в статистику случаев.

Сколько человек умерло от COVID-19 без сопутствующих проблем со здоровьем? В масштабе страны число исчезающе мало и это менее 10%. Кажется, я видела цифру около 6%.

Доктор Бхақди: Просто поделите предоставленные прессой числа на десять, и вы получите реальные данные. Если, например, вы сделаете это в Германии, вы получите число абсолютно нелепое. Вы должны понимать, что в Германии, каждый день умирает 2500 человек. Из них десять умирают от COVID-19. Но из этих же 2500, 1000 человек умирают от сердечного приступа. Ещё 800 человек умирают от рака. Ещё по крайней мере 50 умирают из-за пневмококковой пневмонии, и это в пять раз больше, чем COVID.

Астрид Штукельбергер, доктор философии: В 2020 году было не больше смертей, чем в другие годы. Но так называемая пандемия продолжается. И они не прекратят этот беспредел. Таким образом, существует проблема управления, потому что всем этим явно руководит один человек, который превратил неправительственную организацию в международную деловую организацию с полным иммунитетом, представленным швейцарским правительством. Так кто же руководит швейцарским правительством? Это большой вопрос. Кто на самом деле руководит Организацией Объединённых Наций?

Рекордный средний показатель заболеваемости 80 000 случаев в день сейчас в этой стране, в 47 штатах, и количество новых случаев растёт быстрее, чем когда-либо, почему?

Доктор Энтони Фаучи: Никому из нас никогда не говорили уменьшить тестирование. На самом деле, мы будем проводить больше тестов.

Доктор Тедрос Адханом Гебрейесус: У нас есть простое послание для всех стран: проверяйтесь, проверяйтесь, проверяйтесь.

Доктор Вольфганг Водарг: В январе 2020 г. Ввели ещё одно новшество – был тест ПЦР-тест, который был изобретён мистером Дростеном и принят ВОЗ. В ВОЗ сказали: да. Если тест положительный, у нас есть новый «случай» COVID-19.

Кнут Витковски: Но значение слова «случай» изменили во время сбора данных об эпидемии. Это худшее, что вообще может случиться. Я это вам как эпидемиолог говорю, худшее, что может случиться.

Александра Анрион-Кауд: Я очень быстро поняла, что используется для определения «случаев». Случаи для нас на нашем языке это пациенты, но вдруг случаями стали называть положительные ПЦР-тесты, так что забудьте о людях. Считаются просто результаты тестов.

Кнут Витковски: Теперь они называют яблоки апельсинами. И теперь у нас много апельсинов, гораздо больше, чем раньше. До того, как яблоки стали называть апельсинами.

Райнер Фюльмих: Даже ВОЗ соглашается, что недостаточно положительного ПЦР теста. Нужны симптомы, и никогда в истории человечества, в истории медицины, никогда не проводилось тестирование здоровых людей.

Сучарит Бхақди: Этот тест не должен использоваться на людях без симптомов.

Майкл Йидон: Массовое тестирование людей без симптомов не имеет под собой никакой научной основы, это просто способ напугать людей.

Кнут Витковски: Создаётся впечатление, что происходит что-то плохое, потому что случаев очень много. Нет, случаев не настолько много на самом деле.

Александра Анрион-Кауд: Итак, мы создали этот кризис, просто поменяв само определение «случаев» на основании этих ПЦР-тестов.

Райнер Фюльмих: И вот как они начали подсчитывать случаи. Но на самом деле они посчитали деятельность по тестированию, и чем больше они тестировали, тем больше случаев находили.

Пресс-секретарь перед лицом нации: 100 миллиардов долларов потрачено на тесты в национальном масштабе.

Доктор Раджив Шах, президент Фонда Рокфеллера: Для начала мы проведём около 1 миллиона тестов в неделю.

Доктор Энтони Фаучи: Будут проводиться миллионы тестов за несколько недель.

Клаус Кенлейн, доктор внутренних болезней, соавтор книги "Вирусная мания": То, что мы видим на данный момент, это не более, чем Пандемия ПЦР тестирования.

Доктор Вольфганг Водарг: Нет никакой связи между несчастным случаем в Уханьской лаборатории и широким распространением ПЦР тестирования. Это две разные вещи, которые не нужно связывать между собой, потому что тест реагирует положительно на вирусы, попавшие в организм давным-давно, которые уже были там раньше. Результат будет положительным из-за любого бета-коронавируса, а также из-за большого количества существующих вирусов атипичной пневмонии, которые существуют около 29 лет по всему миру.

Кнут Витковски: Мы создали ситуацию, когда так много людей настолько сильно напуганы, что реальность больше не проникает в их сознание.

Сучарит Бхакди: ПЦР метод разработан Маллисом, который получил за это Нобелевскую премию. Он сам сказал: «Не используйте этот тест для диагностики».

Скотт Дженсен: Он сказал и ясно подчеркнул, что эта технология не предназначена для диагностики вирусных заболеваний. Эта технология, которая может помочь нам взять небольшое количество ДНК, и произвести в миллиарды раз больше материала для работы с ним и его изучения.

Кэри Маллис, Биохимик, Нобелевский лауреат, изобретатель технологии ПЦР: С помощью ПЦР, если провести её правильно, вы можете найти почти всё в любом человеке. Это заставляет нас поверить в буддийскую концепцию, что абсолютно всё содержится во всём остальном, верно? То есть вы можете найти единственную молекулу любого материала и умножить её до состояния, которое позволит исследовать материал в реальных показателях, что ПЦР и делает. Для этого нужно очень мало молекул. Какова вероятность того, что у вас в теле нет хотя бы одной такой молекулы? Сейчас ПЦР-тесты используют не по назначению, и неверные результаты выдают за правду.

Сучарит Бхакди: Эти тесты должны быть немедленно выброшены на помойку по всему миру, и нужно рассматривать как преступление, если кого-то отправляют в карантин только из-за положительного теста.

Доктор Тедрос Адханом Гебрейесус: С начала февраля, мы уже говорили, что бессимптомные люди могут передавать COVID-19.

Доктор Мария Ван Керхове: Мы просто постоянно изучаем эти данные. Это всё ещё случается редко, чтобы бессимптомные люди были распространителями.

Спикер: Мы знаем, что большинство случаев заражения происходит от бессимптомных, особенно молодых людей.

Спикер: Дети в возрасте до десяти лет могут быть бессимптомными носителями вируса.

Спикер: Это очень трудно, очень трудно сражаться с невидимым врагом.

Спикер: Мы можем быть больны. Мы можем быть инфицированы и бессимптомны, не проявляя никаких симптомов.

Доктор Энтони Фаучи: За всю историю существования респираторных вирусов любого типа, бессимптомное заражение никогда не было причиной вспышек. Движущей силой вспышек всегда является человек с симптомами. Эпидемия не возникает из-за бессимптомных носителей.

Майкл Йидон: Эту идею, что вы можете быть больны, даже если у вас нет симптомов, и что вы можете представлять вирусную угрозу для кого-то другого, даже если у вас нет симптомов, это тоже изобрели в 2020 году.

Доктор Сучарит Бхакди: Это полная чушь. Такого никогда не было, но эту дезинформацию распространяют под видом факта. И это преступление, я считаю.

Александра Анрион-Кауд: Бессимптомный носитель – это ужасное определение, потому что это заставляет меня воспринимать вас и всех остальных, кого я встречаю, как врагов. Вы стали для меня потенциальным врагом, потому что потенциально являетесь носителем SARS-CoV-2. И это на самом деле ужасно, потому что это отбрасывает саму возможность человека быть здоровым, потому что если бессимптомные существуют, тогда кто вообще здоров? Никто.

Райнер Фюльмих: Все, кто нас окружает: наши родственники, друзья у кого нет симптомов, кто совершенно здоров или кажется абсолютно здоровым, может представлять угрозу. Вот какое отношение возникает. Вот к чему приводит обман, что существуют бессимптомные инфекции. Мы сразу думаем: «О Боже мой, все потенциально опасны». Это неправда.

Доктор Энтони Фаучи: Раньше было неясно может ли бессимптомный человек передать кому-то инфекцию, оставаясь бессимптомным. Из недавнего отчёта из Германии, теперь мы знаем, что это абсолютно верно.

Клаус Кенлейн: Бессимптомная инфекция основана на научной работе, опубликованной Дростеном. Но китайка, которую цитируют в этой статье, не была бессимптомной вообще. Она была больна обычным гриппом. Таким образом, утверждение, что эта китайская женщина была бессимптомной – обман. Это неправда.

Майкл Йидон: Для того, чтобы распространять вирус, чтобы быть хорошим, эффективным источником инфекции, у вас должно быть много вируса, и если у вас много вируса, вирус атакует вас, а вы сопротивляетесь. Этот процесс вызывает симптомы. Неизбежно. Это не просто время от времени, так всегда происходит.

Клаус Кенлейн: Что они, очевидно, хотят сделать таким образом, это внедрить идею, что здоровые люди без симптомов представляют угрозу для общества, поэтому всех нужно тестировать и затем вакцинировать, а после вакцинации они скажут, ну вот вы снова свободны, до следующей мутации. И тогда нам скажут уколите следующую вакцину. Так что это бесконечная игра. Мы будем вакцинироваться каждый год.

Доктор Вольфганг Водарг: После проведения большого исследования в Китае мы абсолютно уверены, что не существует такого явления, как бессимптомное заражение COVID-19. Нет такого. Перестаньте бояться.

Спикер: Всемирная организация здравоохранения под шумок изменила определение термина коллективный иммунитет в этом году. Новое определение фокусируется только на вакцинах. Они удалили строку о создании коллективного иммунитета вследствие перенесённого в прошлом заболевания.

Доктор Тедрос Адханом Гебрейесус: Коллективный иммунитет – это понятие, используемое для вакцинации, которое означает, что население может быть защищено от определённого вируса, если достигнут определённый порог вакцинации.

Астрид Штукельбергер, доктор философии: Штаб-квартира ВОЗ находится в Женеве, и это Всемирная организация здравоохранения, она отвечает за координацию в государствах, а также за международную классификацию болезней.

Александра Анрион-Кауд: Если уже говорить о кризисе, то я считаю, что это кризис терминологии, и особенно это касается науки и медицины. Мы просто не смогли правильно соединить несколько слов.

Астрид Штукельбергер: Большая проблема с ВОЗ в том, что они меняют определения терминов без научного обоснования на международном уровне. Они изменили определения эпидемии и пандемии.

Доктор Тедрос Адханом Гебрейесус: Мы провели оценку и пришли к выводу, что COVID-19 можно охарактеризовать как пандемию. Пандемия – это не слово, которое можно использовать легкомысленно или небрежно. Это слово, которое, если его неправильно использовать, может вызвать необоснованный страх.

Вольфганг Водарг: Каждый на улице заметил бы, если бы пришла пандемия. Болели бы соседи, люди на работе болели бы. В автобусе, повсюду были бы кашляющие люди. Вы бы действительно не могли пропустить пандемию. Это то, что каждый из нас заметил бы, если бы пришла пандемия. Болели бы соседи, люди на работе болели бы. В автобусе, повсюду были бы кашляющие люди. Вы бы действительно не смогли пропустить пандемию. Это то, что каждый из нас заметил бы. Вот что означало слово пандемия. А ВОЗ изменила это значение.

Мужчина: Почему именно ВОЗ?

Женщина: Мы все услышали, что определение пандемии было изменено. Но я не услышала причину для такого изменения.

Все деловые сделки, подготовленные между отдельными странами и фармацевтическими компаниями...

Доктор Маргарет Чен: Научные критерии для пандемии гриппа были соблюдены. Всемирная организация здравоохранения в 2009 году придумала новое определение, которое отбросило критерий серьезности.

Вольфганг Водарг: Фармацевтическая промышленность надавила на ВОЗ, чтобы изменить пандемию, определение пандемии, и они просто стёрли, что должно быть много тяжёлых случаев и много смертей. Если вы можете изменить определение, вы можете изменить мир. И мы изменили определение. Это изменение определения послужило инструментом для распространения страха по всему миру.

Весной 2009 года представители здравоохранения были предупреждены о небывалой вспышке гриппа. Мир столкнулся с новым вирусом гриппа, к которому, как оказалось, ни у кого нет иммунитета. Была потенциальная угроза серьёзной пандемии.

Вольфганг Водарг: Они изменили определение пандемии снова всего несколько месяцев назад, когда нам сказали, у нас сейчас что-то вроде хронической пандемии: за периодом пандемии следует постпандемический период, после которого снова период пандемии. Они заставили нас думать, дали нам понять, что пандемия может быть постоянным явлением с волнами, приходящими снова и снова. И этот образ теперь использует ВОЗ так же, как его использует Билл Гейтс и вся фармацевтическая промышленность. Они пугают нас следующей волной и новыми мутациями. Это очень хорошая бизнес-модель.

Астрид Штукельбергер: Они не выполняют своих обязательств, они должны только координировать информацию, а не принимать решения за государства-члены. Но сейчас очевидно, что они принимают решения в одностороннем порядке. Это политическая проблема. Они должны понести ответственность за то, что объявили пандемию и обязали как лидеры, дали рекомендацию сделать массовую вакцинацию

экспериментальными препаратами. И кто же в ответе за последствия? Корень проблемы на верхушке.

Майкл Йидон: К тому времени, как мы добрались до третьей главной темы этой пандемии и её контроля, я знал, что все врут: правительство, учёные, их советники, министры, люди на телевидении. И я боюсь, это впечатление со временем только укрепилось.

Астрид Штукельбергер: Внезапно я увидела слишком много лжи, слишком много риторики, неопределённости. Я написала статью в Acta Biomedica в несоответствиях в ММСП. Я уже тогда что-то заподозрила. Я начала задавать вопросы и мне стало ясно, что здесь точно что-то не так.

Александра Анрион-Кауд: Целый ряд учёных и врачей говорят об этой проблеме. Уже создали Декларацию Грейт Баррингтон, «Врачи за этику» говорят, что у нас проблемы, 57 учёных, в том числе и я, подготовили статью с просьбой остановить вакцинацию, но похоже, никто не слушает, и это печально. Потому что нам нужна эта дискуссия. Нам нужно встретиться лицом к лицу и провести эту дискуссию и заставить лаборатории дать ответы на все наши вопросы.

Майкл Йидон: Со временем я обнаружил, что когда я разговариваю с коллегами-учёными, часто учёными или академиками на пенсии, людьми, с которыми я вырос, и которые сейчас занимают кафедры иммунологии. В частной беседе они соглашаются со мной что анализ ПЦР, как он используется сейчас, это полная ерунда и мошенничество, и что определение причин смертей в том виде, как мы это делаем, совершенная глупость. Локдауны – явно иррациональное решение, которое, возможно, убило многих людей. Но разница в том, что они не хотят признавать это публично, потому что «верхушка» в университете запретила им оспаривать официальный нарратив. Поэтому они молчат. И вот что происходит. Люди просто решают смотреть в другую сторону.

Вольфганг Водарг: Некоторые из них получают много денег за то, что они подыгрывают властям. Другие просто боятся потерять работу.

Луис Фаучи: Люди говорили мне: «Ты не должен спорить, это плохо». Все должны следовать общему строю и говорить: «Хорошо, так и есть».

Бишоф Шнайдер: И это, на мой взгляд, очень похоже на советские времена, в которых я жил. Допускалось только одно мнение, и если вы от него отклонялись, вас объявляли врагом или шпионом, или поклонником теорий заговора. Советские власти так делали. Если у вас было другое мнение, они говорили: «Вы – заговорщик, верите в теории заговора». «Вы разжигаете вражду». Это выражение «разжигание вражды» пришло от коммунистов.

Вацлав Клаус: Люди должны выступать против всех видов правительственных ограничений. И это единственный урок, который мы вынесли из истории и особенно из нашей коммунистической эпохи.

Вера Шарав: Тогда мы делегируем полномочия какому-то центральному органу, чьи дела полностью переплетены с очень большим бизнесом, а фармацевтическая промышленность является одной из наименее этичной из всех. И им дают полный доступ, свободный доступ к нашим телам, нашему разуму. Что может быть глупее этого? Это же действительно глупо. Не все люди злые, но есть много глупых людей, которые ставят злых людей на позиции, где их никогда не должно быть.

Райнер Фюльмих: Это правительство своими постановлениями создаёт путаницы и противоречия среди правил и норм. Вот что они пытаются сделать. Зачес они это делают? Это психологическая операция. Потому что единственный способ заставить людей делать то, чего они иначе не стали бы делать, то постоянно держать их в

состоянии паники.

Кнут Витковски: Страх заставляет нас действовать иррационально. Что мы сейчас видим. Ничто не имеет смысла.

Марко: Это заставляет людей отказаться от использования собственного разума. Они делегируют его стаду, авторитету. Я больше не знаю, что думать. Это так абсурдно, вся эта противоречивая информация.

Кэтрин Остин-Фиттс: Человеческое существо жаждет согласованности. И если вы вводите их состояние бессвязности, они буквально готовы на всё, лишь бы вернуться к связности. Это типичная тактика пыток. Просто сделай то, что я хочу, и тогда я позволю тебе вернуться в состояние когерентности. Если вы примите зелёный паспорт, вы будете свободны. Или если вы сделаете прививку, вы станете свободными.

Скотт Дженсен: Я никогда не думал, что окажусь в ситуации, когда я смогу представить, каково это быть в Гайане с Джимми Джонсоном в 1978 году. Каково это было для этих людей постепенно по нарастающей приближаться к моменту, когда они, наконец, были готовы выпить Кул-Эйд с цианидом? Час за часом, день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем, одна история за другой, одна плохая новость за другой, ещё один сенсационный заголовок. Это почти так же, как если бы нас медленно избивали, пока мы не дойдём до точки, когда мы скажем: «Дядя, Я сдаюсь». «Я выпью Кул-Эйд».

Луис Фаучи: В наше время люди, когда у них есть вопрос, не пытаются найти ответ коллективно со своими друзьями или семьёй в чём-то, основанном на реальности. Они сразу идут в контролируемую Википедию. И получают готовый ответ от некоего высшего сознания под названием цифровой мир. Но он основан на лжи.

Стефано Монтанери фармацевт, автор: Качество школьного образования очень, очень упало и становится только ниже и ниже, потому что держать людей в невежестве является ключом к успеху в этом случае.

Луис Фаучи: Я думаю, мы должны доинвестировать, уйти от этой иллюзии, этого заблуждения и вернуться к реальности. Это мой совет. Я доктор и могу выписать вам рецепт. Я прописываю вам выключить телевизор, выключить свой смартфон и так вернуться к реальности.

– ALFA BETA GAMMADELTA – это варианты коронавируса, а теперь появился ещё один под названием Дельта плюс.

Спикер: Звучит угрожающе. Новый вариант беспокойства. Новый двойной мутант.

Урсула фон дер Ляйнен: Нас беспокоит вариант Дельта...Двойной мутантный штамм.

Спикер: Стоит ли нам опасаться варианта Дельта?

Спикер: Абсолютно.

Спикер: Растущие опасения по поводу Омикрона, новый штамм корона. Пятый вариант беспокойства

Доктор Фаучи: Мы не хотим напугать американскую общественность, но когда случается что-то, к этому нужно отнестись серьёзно. То, что мы наблюдаем в клиниках Южной Африки, является чрезвычайно лёгким для нас.

Доктор Ангелика Коэтзи: Это лёгкие случаи для нас, и мы никого не кладём в больницу. Я разговаривала с другими своими коллегами, та же картина.

Гавин Ньюсом: У нас 48 выявленных случаев в Калифорнии. В подавляющем большинстве среди полностью вакцинированных.

Неван Кроган: Эти люди, что заразились Омикроном, все они проявляли слабые симптомы или не проявляли их вовсе.

Спикер: Я просто хочу призвать всех. Вакцины работают. Вакцины эффективны.

Спикер: Потребуется больше времени, чтобы победить Covid -19 и его мутации, которые мы наблюдаем, если мы быстро не вакцинируем весь остальной мир".

Стефано Монтанэри: Итак, заражение произошло...

Майкл Йидон: вице-президент Pfizer: Вы, скорее всего, выживите, если только не близки к смерти от других причин. После болезни у вас появляется иммунитет на десятилетия, а возможно и на всю жизнь. Это неправда, что варианты вируса представляют какую-либо угрозу. Это неправда, что вам нужна дополнительная вакцина. Большинству из вас вакцина вообще не нужна. Это вполне нормально для РНК вирусов, таких как SARS- CoV-2, при воспроизведении делать опечатки. Вот что, они делают опечатки. И их называют вариантами. Но очень важно знать, что даже если вы найдёте вариант, больше всего отличающийся от последовательности, выявленной в Ухане. Это максимально отдалённый вариант всё равно отличается всего на 0,3% от исходной последовательности. В прошлом году проводились эксперименты на людях, переболевших атипичной пневмонией 17 лет назад. Их попросили сдать кровь, что они и сделали. Разница в 20% оказалась недостаточной, чтобы обмануть иммунную систему этих людей, будто она имеет дело с новым вирусом. Организм легко распознавал в вирусе родственника, двоюродного брата болезни, которую он победил. Это просто неправда, что варианты, которые вирус реплицирует, достаточно сильно отличаются друг от друга, чтобы представлять какую-либо угрозу. Это даже не маловероятно, это невозможно. Когда правительственные учёные говорят вам, что вариант, который всего на 0,3% отличается от атипичной пневмонии, может маскироваться под новый вирус и представлять угрозу для вашего здоровья, вы должны знать и, я гарантирую это, что они лгут. Если они лгут, а они лгут, почему фармацевтическая промышленность продолжает производить вакцины?

Что делают с экономикой?

Юзеф Салерно экономист: Что локдауны делают, так это портят наше здоровье, потому что они мешают производить товары и услуги, которые удовлетворяют потребности и желания людей.

Джефф Дайст: Когда мы говорим о компромиссах, когда поддерживаем идею, что, мол, сейчас не время думать об экономике, сейчас время оставаться дома и быть здоровыми. Это просто враньё и ложное разделение. Потому что экономика и здоровье неразделимы и это одно и то же.

Марк Торнтон: Если вы хотите поговорить о росте и жизнеспособности американской экономике, то это начинается с малого бизнеса.

Вацлав Клаус: Малые предприятия по всей Европе более или менее убиты. Вот в чём реальная проблема и возвращение, как вернуться к прежней ситуации? Это займёт годы, десятилетия, а не просто месяцы или недели. Я думаю, народ стал слабее, чем 8 месяцев назад.

Райнер Фюльмих: Самоубийства стремительно растут. Предприятия умирают. Весь средний класс близок к банкротству и не только в Германии. Это обнищание вызывает гораздо больше смертей от голода, от самоубийств, алкоголизма, от безвыходности. Вот, о чём мы должны беспокоиться, а не от опасности вируса Covid, которые поддаются управлению.

Ян Смитт, тренер: Это изначально было нашей предпосылкой, факт, что неравная защита прав по закону. Происходящее очень несправедливо и приносит ущерб малому бизнесу. Крупному бизнесу разрешили продолжать работать, как обычно, тогда как средний класс Америки, рабочий класс этой страны просто уничтожился.

Многие рестораны и бары по всему Мельбурну всё ещё страдают из-за недостатка посетителей, несмотря на окончание пятого локдауна.

Согласно новым правилам, все магазины, кроме основных, будут закрыты. Такие магазины, как Love,s и HomeDepot, остаются открытыми, согласно распоряжению

губернатора.

Джей Ричардс, профессор: Намеренно или нет, но то, что мы увидели – это своего рода массовое перемещение богатства экономики от десятков тысяч мелких и часто семейных предприятий в сторону очень крупных государственных предприятий, которые выигрывают от цифровой экономики. Как по мне, то не важно, левый ты или правый, центрист или либертарианец. Это в любом случае должно вас беспокоить.

Кэтрин Остин-Фиттс, секретарь администрации Буша: У нас есть 100 малых предприятий на Мейн Стрит. Внезапно Amazon и Walmart и большие магазины приходят и отнимают их долю рынка. Тем временем люди на главной улице должны продолжать выплачивать свои кредиты по картам или ипотеку, так что они попадают в долговую ловушку и отчаянно пытаются получить денежный поток, чтобы покрыть долги повседневных расходов. Тем временем, у вас есть институт Федеральной резервной системы, где они покупают корпоративные облигации, и парни, которые занимают долю рынка, могут в основном финансировать под 1% или их банки могут от 0% до 1%, когда все остальные на Мейн Стрит выплачивают от 16-17% по своим кредитным картам без дохода. В общем-то, теперь они на крючке. Вы можете отнять у них долю рынка, а они не могут сделать ничего, потому что слишком заняты попыткой найти денег, чтобы прокормить свою семью.

Калифорния, митинги: Откройте церковь, откройте церковь! Я не могу работать из-за указа губернатора.

Спикер: Один из самых бедных районов Сантьяго и многие из жителей теперь голодают.

Спикер: Эти протесты повсюду и в Германии почти каждые выходные проходят от 10 до 20 протестов.

Швейцария: Обман для народа, обман для народа – это театр, мировой театр.

Скотт Дженсен, доктор: Каким-то образом этот Covid 19 отнимает у нас лучшее, что мы можем предложить себе и друг другу. Вот почему я так зол внутри от одной мысли, что это может быть какая-то повестка дня, которая реализуется через нашу коллективную реакцию на эти пандемии.

Вольфганг Водарг, доктор: Когда я поводил обследование на предмет гриппа в моём регионе общественного здравоохранения, где около 120-150 тысяч человек живут и работают. Я выявил болезнь у 10% у них и это в очень тяжёлый сезон гриппа. Это означает 10 000 пациентов с гриппом. А в Мексике было 600. Что это? 20 миллионов человек, проживающих в регионе, и они говорят о пандемии? Этого я не понял. Это причина, по которой я начал проводить исследования, пытаюсь выяснить, что происходит. И я узнал, что это большая, большая мистификация.

Деловые сделки, которые были подготовлены между отдельными странами и фармацевтическими компаниями, вот- вот вмешается ВОЗ. Контракты в основном были конфиденциальными.

А потом я узнал о контактах на вакцины, которые были уже подготовлены.

Многие страны включая Германию, Италию, Францию, Великобританию заключили секретное соглашение с фармацевтическими компаниями до инцидента со свиным гриппом, которые обязывали их приобрести прививки от свиного гриппа, но только в том случае, если ВОЗ объявит пандемическую тревогу шестого уровня.

Вольфганг Водарг: Я узнал о планах ВОЗ, о проекте "Готовность к пандемии", который уже начался. Когда ВОЗ предложила промышленности сделать что-то для здоровья и пришли инвесторы, такие как Билл Гейтс с фондом Билла и Милинды Гейтс, Welcome Trust и все они пришли и дали деньги ВОЗ, создав фактически государственно-частное партнёрство с министерством.

Сегодня организации ООН, фонды, НПО и промышленность вносят почти 40% годового бюджета ВОЗ.

Билл Гейтс: Ваши приоритеты – наши приоритеты.

Есть люди, заинтересованные в распространении инфекционных заболеваний. Это очень, очень серьёзная проблема. Она не имеет ничего общего с гигиеной, зато имеет отношение к криминологии.

Скотт Дженсен: Если мы будем искать тёмные тени, "бабайку" и плохих людей за каждым углом, я не знаю, как появится у нас мотивация вставать по утрам? Пытаться сделать мир лучше и оставить наследие.

Стефано Монтенери, программист: Это большой бизнес, возможно самый большой на планете. Большой бизнес подразумевает, к сожалению, большую коррупцию. Так что с таким количеством денег вы можете коррумпировать политиков, медиков, коррумпировать души, если хотите.

Пам Поппер, доктор: Идея общественного здравоохранения, где вы делаете свою работу так, чтобы большинству людей стало лучше, полностью потеряна. Сейчас это хорошо видно по политике борьбы с Covid 19. Эти меры предназначены для убийства людей, правда? Это сильное обвинение, но никто мне так и не смог объяснить, каким образом общественное здравоохранение или чьё-либо здоровье улучшается, если берут 80-летних людей и лишают их человеческого контакта и общения, пока у них не исчезнет воля к жизни. Такого поведения можно ожидать от нацистов, а не от чиновников здравоохранения.

Вера Шарав: Эти страны использовали Covid, как возможность начать эвтаназию пожилых людей и инвалидов, избавиться от экономического бремени, избавиться от тех, кто ещё помнит историю.

Лириан Хелд-Хаван, бизнес консультант: Вот уже 12 месяцев мы наблюдаем настоящий, с моей точки зрения, своего рода геноцид пожилых людей. И это действительно большая, большая проблема и кто-то должен принять это во внимание.

Сучарит Бхақди, профессор: Мы были разочарованы, моя жена и я, нам страшно осознавать, что общественность, люди вокруг нас не осознают, что их ведут к гибели, к гибели, как людей, потому что они теряют свои права.

Билл Гейтс: Наблюдение необходимо продолжить. Все контакты всё равно нужно отслеживать и помещать людей в карантин. Вакцина сама по себе не положит конец пандемии.

Билл Гейтс: Итак, для мира в целом нормальная жизнь вернётся только после того, как мы вакцинируем всё население планеты.

Семь спортивных стадионов уже используются в качестве мега-станций по вакцинации по всей стране.

Александра Хенрион Гауде, национальный институт здоровья: Я полностью уверена, что не следовало проводить массовой вакцинации. Никогда никакой вакцинации от корона-вируса не одобряли. Вот так просто придти и сказать вдруг: "Сейчас мы собираемся разработать и внедрить вакцины, как массовое решение", – это странно. Я считаю – это неправильно.

Карри Мадей, доктор: Это действительно экспериментальная вакцина, которую испытывают по всему миру.

Майкл Йидон, Pfizer: Таким образом, эти вакцины на основе генов не одобрены никакими медицинскими органами, такими, как FDA или европейское агентство лекарственных средств. Их допустили по так называемому "разрешение для использования в чрезвычайных ситуациях". То есть, если бы не было чрезвычайной ситуации, их нельзя было бы вводить вообще. Мы не так уж много о них знаем, мы

вообще ничего не знаем об их возможных побочных эффектах в долгосрочной перспективе.

Билл Гейтс: Есть 3 вещи, которые вы хотите получить от вакцины. Вы хотите, чтобы она была безопасна для всех категорий населения, то есть, чтобы не было побочных эффектов, так же вы хотите, чтобы она исключала передачу инфекции другим, и третье – она должна предотвращать заражение человека, который вакцинировался.

Карри Мадей: Когда мы посмотрим на конечные параметры исследований Moderna и Pfizer на данный момент преимущества, о которых они нам рассказывают, каких результатов они ожидали. Что для них является успехом? Ну есть только два предельных значения, которые они ставят за цель. Первое – предотвращает ли вакцина от положительного теста ПЦР? Второе – предотвращает ли она от одного симптома Covid-19? Только одного. Вот и всё.

Билл Гейтс: Конечные параметры третьей фазы немного отличаются.

Карри Мадей: Это самые важные конечные точки, на которые стоит обратить внимание, но исследования, как Moderna, так и Pfizer пропускают их. Они это просто игнорируют.

Билл Гейтс: Мы не знаем, будут ли эти вакцины работать. Мы не знаем, будут ли они предотвращать смерти. Мы не знаем, будут ли они предотвращать передачу инфекции.

Карри Мадей: Сразу после второй дозы вы, вероятно, получите иммунитет на два месяца, всего два месяца и всё. Таким образом, эффективность или польза от применения этих вакцин очень сомнительны. А вот если посмотреть на риски, то мы увидим много причин для беспокойства.

Билл Гейтс: Должна ли нас беспокоить тема медикаментов? Могут ли некоторые из них иметь побочные эффекты? Нужно ли проводить тестирование их безопасности? Всё-таки мы берём генетически модифицированные организмы и вводим их в руку маленьких детей. Запускаем их прямо им в вену. Так что, да, думаю, у нас должна быть система безопасности, где мы проводим испытания.

Стефан Оелрих, глава фармацевтического дивизиона: Вакцины с мРНК являются примером клеточной и генной терапии. Я всегда говорю, что если бы мы провели опрос общественности два года назад, если бы мы спросили у людей, готовы ли они ввести в своё тело препараты генной или клеточной терапии, думаю, 95% опрошиваемых отказались бы. Так что эта пандемия открыла многим глаза на инновации невозможным ранее путём.

Александра Хенрион, Гауде: По странному стечению обстоятельств, все фармацевтические компании сосредоточились на шиповидном белке, что странно, потому что этот белок является активным центром генома с точки зрения мутаций. Если вы хотите выделить специфику, вы не выберете часть, которая больше всего отличается. Вы сфокусируетесь на той части, которая более устойчива, а по их стратегии целью стал шиповидный белок. Что является хорошим решением, если вы хотите нажиться, разработать и продать несколько вакцин, потому что каждый раз будут вариации, какие-то новые мутации в шипке-белка. Потребуется разработка новых вакцин,

Стоимость акций Moderna стремительно выросла.

Pfizer" фактически достигла нового максимума, после того, как FDA разрешили использовать бустеры от Covid-19.

Стефан Вангел, Moderna Geo: Существует ещё много вирусов, от которых до сих пор ещё нет вакцин. И если посмотреть на это с экономической точки зрения, вакцины приносят наибольшую прибыль в системе здравоохранения.

Милинда и Билл Гейтс: И поэтому мы должны смотреть на мир в целом, у нас есть

связи со многими европейскими, африканскими лидерами и другими в Юго-восточной Азии, которые обеспечивают фонд закупок, и которые смогут взять эту вакцину, когда она появится в доступе и доставить её.

Александра Хенрион Гауде: На самом деле вы вводите мРНК внутрь капсулы, которая представляет собой жирную капсулу.

Антуанетта Гатти, Италия: Таким образом вы используете липосому в качестве троянского коня. Липосома имеет аналогичный состав с клеточной мембраной и это обманный маневр, который используется для того, чтобы позволить стороне РНК проникнуть в клетку.

Александра Хенрион Гауде: Итак, эта мРНК будет распознаваться вашим организмом, у вас есть ядро с вашей ДНК и у вас есть все эти маленькие рибосомы готовые к чтению и сканированию элемента, который производит шиповидный белок. И из-за этого вырабатываются антитела, необходимые для борьбы со спайк белками. Но прежде чем вы получите иммунитет через создание антител на некоторое время повысится количество шиповидных белков, которые будут связываться с рецепторами. И это ведёт к одному из моих опасений. У меня есть целый ряд опасений. Первое – сам факт, что спайк белки могут в конечном итоге связаться с рецепторами. А где у нас больше всего АПФ2 рецепторов, BSG и других рецепторов? В яичках. Яички – горячая точка в плане рецепторов. Сэр, ваши яички, на втором месте плацента, на третьем – кишечник".

Может ли вакцина от Covid-19 вызвать бесплодие? Это, наверное, самый распространённый вопрос, который я получаю от женщин.

Сэр Джон Белл, профессор: Эти вакцины вряд ли полностью стерилизуют население. Вполне вероятно, они окажут эффект в процентном соотношении. Скажем 60-70%. Не существует долгосрочных данных по этим вакцинам. Мы не знаем, что может произойти через год после применения этой вакцины, верно? Мы только что её разработали".

Марк Цукерберг: Я разделяю некоторую осторожность в этом вопросе, потому что мы не знаем о долгосрочных побочных эффектах, изменений ДНК и РНК людей.

Билл Гейтс: Мы финансируем разработки мРНК уже более 10 лет и сейчас они ускорили своё развитие.

Стефан Бангел, Modern Geo: Если мы сможем заставить работать мессенджер РНК в людях безопасно – это будет очень широкое поле для создания нового класса лекарств.

Илон Маск: Я думаю, много будет прорывов на медицинском фронте, особенно что касается синтетической мРНК. Это как компьютерная программа. В принципе можно сделать всё что угодно, вы можете превратить кого-нибудь в бабочку, если хотите. Нужна только определённая последовательность ДНК.

Стефан Бангел: мРНК – это информационная молекула, вроде программного обеспечения. Это программное обеспечение жизни. Есть четыре буквы, из которых состоит каждый из наших препаратов. Это просто порядок букв, который отличает продукт А от продукта Б. Поэтому, как только вы выясните принцип работы, вы сможете получить очень быстро много новых продуктов.

Александра Хенрион Гауди: Это классический алфавит для РНК – AUGC. Вот этот синтетический кусок опирается не на этот алфавит, а на тот AUGC, нет U, каждая буква U была заменена на Y. Это значит, ваши клетки получают что-то, о чём они никогда не слышали и никогда не видели. Это значит, мы находимся в процессе эксперимента. У нас много вопросов, но нет ответов.

Доктор Камала Натали, Швейцария: Новые инъекции, которые мы называем

вакцинами, создают множество проблем, много очень серьезных побочных эффектов. Микроагглюляция происходит почти всегда и это очень опасно. В результате этой микроагглюляции вы можете получить инсульт, инфаркт, миокардит, тромбоз, лёгочную эмболию и так далее.

Сучарит Бхақди: Генные вакцины также могут спровоцировать аутоиммунное заболевание.

Александра Хенрион Гауди: Возможно, дело дошло до стадии, когда у вас уже есть антитела, но клетка опаздывает в производстве белка. И поскольку у вас уже есть антитела, как вы думаете, что они будут делать? Они начнут уничтожать ваши клетки. Свои собственные клетки. Здорово? Это называется аутоиммунная реакция. И это и есть гипотеза относительно понимания, что происходит при тромбозе и при всех этих проблемах, которые мы видим.

Камала Натали: У нас есть несколько пациентов, чью кровь я наблюдала под тёмнопольным микроскопом до и после сразу после вакцинации, и кровь действительно меняется. Вы правда можете увидеть, что она становится хуже. В начале этого года, я говорила, да, очень легко лечить людей с Covid, но мы не знаем, как лечить вакцинированных.

Кайл Уорнер, байкер: Привет, меня зовут Кайл Уорнер. Я профессиональный гонщик на горном велосипеде и я принял вакцину "Pfizer". Вторая доза была 10 июня и примерно через месяц у меня развился перикардит, который представляет собой отёк стенок сердца, а также синдром постуральной тахикардии и реактивный артрит. Это положило конец моей карьере и многое в моей повседневной жизни тоже кардинально изменилось.

Майкл Йидон, Pfizer: Большинство наших вакцин чертовски безопасны. Они действительно хороши. И если они причиняют кому-то вред, то это чрезвычайно редкие случаи и точно не преднамеренные. Но эти вакцины на основе генов используются безрассудно, в том числе на людях, не подверженных риску заражения вирусом. И некоторые из этих людей получают увечья или умирают. Это убийство, насколько я это понимаю. Если и использовать эти препараты, то лучше сосредоточиться на тех группах, у которых есть риск тяжёлого протекания болезни и смерти, а не как мы видим. Некоторые страны используют бустерные дозы для того, чтобы убивать детей – это неправильно.

Майкл Йидон: Вы, врачи, которые ничего не говорят и все, кто вовлечён в введение этих вакцин, особенно молодым, здоровым людям. Я считаю, что вы нарушаете Нюрнбергский кодекс, и я буду рад помочь преследовать вас по закону.

Карри Мадей: Поскольку вакцины экспериментальные, я думаю, у человека должен быть выбор: участвовать в эксперименте или нет. Нюрнбергский кодекс был создан после Второй мировой войны именно на случай такой ситуации. Мы не должны были вынуждать людей участвовать в экспериментах против их воли. И когда говорят: "О, никого не принуждают к вакцинации". Ну, если вы препятствуете кому-то получить работу, ходить в школу, путешествовать, что угодно, что делает тебя свободным, суверенным человеком, то, да – это принуждение к вакцинации. Мы должны встать на защиту наших прав человека и не принуждать никого к участию в эксперименте. Ибо это на самом деле эксперимент.

Уже четыре месяца сначала вакцинации и начинают иссякать потоки людей, которые хотят подвергнуться эвтаназии, т.е. иммунизации. 70 лет и старше, мы знаем, что они настолько уязвимы заболеть и умереть от этой вакцины. Люди, которые умирают от этой вакцины, от этой болезни.

Джен Псаки: Эти вакцины безопасны. Почему они всё ещё могут убить вас, даже если

вы младше 27 лет. Мы должны быть ясными и непосредственными в наших коммуникациях. И наши усилия в борьбе с глобальной пандемией.

Байден: Ни высокие стены, ни широкий океан не обезопасят нас от вакцины, э... от Covid-19 в других странах.

Федеральное правительство продолжает принимать агрессивные меры и про-активные шаги, мы атакуем здоровье и безопасность, э... – защищаем здоровье и безопасность людей Америки.

Вера Шарав: Коллаборация медицины с правительством, особенно с правоохранительными органами – это абсолютно точно конец демократии. Это смертельно опасно, потому что полицейское государство – вот что из этого выйдет. Когда врачи становятся агентами правительства, когда они работают вместе с правительством, им больше нельзя доверять. Они больше не соблюдают клятву Гиппократова, как нечто, что они должны соблюдать. Тогда это действительно становится Большим Благом. Кто решает, что есть Большое Благо? Просили ли нас когда-нибудь проголосовать за то, что считать Большим Благом?

Спикер: Паспорта вакцинации скоро будут. В скором времени вам может понадобиться свой COVID статус, чтобы пойти в паб, поехать за рубеж или даже выйти на работу. Мы посмотрим, как отслеживание контактов выглядит в Новом Мировом Порядке.

Спикер: Вы хоть немного обеспокоены тем, что технологические компании могут бесконтрольно решить убирать людей из своих платформ?

Спикер: Есть новая угроза для наших прав на горизонте. По словам Гейтса, единственный способ ответственно завершить локдаун – это установить достаточно масштабную систему слежения, что будет небезопасно работать или путешествовать, ходить в церковь или на матч, если мы не отдадим свои личные данные. Я не видел никаких научных обоснований для всего этого...

Спикер: Теперь они хотят паспорта вакцинации для контроля кто куда и когда имеет право пойти. Кошмар, Оруэлл инфраструктура контроля, беспрецедентный, недемократический захват власти.

Спикер: Это буквально конец человеческих свобод на Западе, если этот план осуществится. Дело не в вакцине, дело не в вирусе, а в персональных данных. И как только это будет осуществлено, у вас не будет выбора.

Майкл Йидон: Вам не нужны паспорта вакцинации. Они ничего не дают ни вам, никому-либо ещё в плане безопасности. Но это даст тому, кто контролирует эту базу данных и правила, полный контроль над всем, что вы делаете.

Спикер: Всем привет. Познакомьтесь с Люси, студенткой факультета психологии. А я её цифровой паспорт-кошелёк, выпущенный правительством. Прямо сейчас, я напоминаю Люси, что ей нужно записаться на приём для обязательной вакцинации.

Майкл Йидон: У вас есть паспорт вакцинации, и он пищит. И в дополнение к тому, что предлагает явиться в медицинский центр для дополнительной вакцинации, возможно, второй раз за год, он также советует привести своего маленького внука, если ваша дочь ещё не привела малыша. И сообщает, что если ты не приведёшь внука, паспорт вакцинации перестанет действовать, и вашей дочери тоже. Попробуй сопротивляться этому.

Рон Десантис: Вы будете определены как не вакцинированные очень скоро. Не заблуждайтесь на этот счёт, те люди, которые прошли через обычную процедуру вакцинации от COVID, они так и сделают. Они скажут: вы больше не вакцинированы, нужно сделать ещё одну прививку, в противном случае вам грозит потеря работы или другие виды штрафов.

Борис Джонсон: Бустеры. Совершенно ясно, что получение трёх доз прививки,

получение «бустера» станет важным фактом, и это облегчит вам жизнь во всех отношениях.

Уджур Шахин: Наша вакцина от Омикрона должна быть вакциной из трёх доз.

Спикер: Как выяснилось, дополнительная вакцинация может быть необходима ежегодно...

Дэн Эндрюс: Это будет «экономика для вакцинированных» и вы можете участвовать в этом, если вы привиты...

Тедрос Адханом Гебрейесус: Возврата к тому, что мы считали нормальным не будет в обозримом будущем.

Спикер: Германия, наряду с другими европейскими странами, вновь ввела частичный локдаун...

Спикер: Спустя всего одиннадцать дней после второго локдауна, третий...

Спикер: Но сегодня в полночь Виктория погрузится в локдаун номер пять.

Спикер: Не могли бы вы объяснить, как удержание людей дома с 9:00 вечера до 6:00 утра поможет ситуации?

Бред Хаззард: Просто это так и есть. Мы должны принять, что это Новый Мировой Порядок.

Спикер: Сегодня первый день нового мирового порядка...

Клаус Шваб: Люди предполагают: мы просто возвращаемся в старый добрый мир, который у нас был. Это, скажем так, фантазия. Этого не будет.

Кристина Андерсон: За всю историю человечества, никогда не было политической элиты, искренне озабоченной благополучием простых людей.

Бишоп Шнайдер: Это очень близко к обществу рабов. Маленькая группа элиты, контролирующая всех остальных. Такое впечатление сложилось после этого года от опыта локдауна и прочих мер. Теперь, с постоянно усиливающимися требованиями вакцинации, следовательно, можно подумать, что существует цель – создать новую социальную систему, новый порядок.

Райнер Фюльмих: Что на самом деле делает паспорт иммунизации в конце концов, что мы слышим из Израиля, который, вероятно, находится на передовой? Паспорт создаёт вакцинный апартеид.

Вера Шараб: Евреи были на протяжении всего периода нацизма демонизированы как распространители болезней. И в настоящее время, демонизация людей не вакцинированных против COVID-19, их также обвиняют как распространителей болезней.

Райнер Фюльмих: Это похоже на сценарий гражданской войны, куда мы идём. Люди, которые привились и люди, которые не привились. Люди, которые сделали прививку, предполагается, получают назад свои права, как будто нам нужен кто-то, кто скажет нам, что у нас есть наши права. Нет, эти права у нас были всегда.

Кэтрин Остин-Фиттс: Если несколько человек хотят управлять многими, вопрос в том, как согнать всех овец на скотобойню, чтобы они ничего не поняли и не сопротивлялись? Лучшее, что может быть – невидимые враги. Вирус подходит, потому что он невидим. Вы не можете доказать, что его не существует, потому что он невидим. Значит невидимые враги всегда предпочтительнее, особенно если они вызывают страх у людей. Если вы можете использовать страх и вызывать серьёзное чувство страха, тогда люди испытают потребность в правительстве, которое защитит их от этого невидимого врага. Второй приём, который очень эффективен, это «разделяй и властвуй». СМИ играют очень важную роль, если вы можете обратить мужчин и женщин друг против друга, чёрных – против белых. Это всё способы внушить страх и заставить людей идти на поводу. Что такое COVID-19? Это установление мер контроля,

необходимых для превращения планеты из демократического процесса в технократию. Итак, что мы наблюдаем, это смена контроля и формирование новых систем контроля. Так что считайте это государственным переворотом. Это гораздо больше похоже на государственный переворот, чем на вирус.

Алессандро Фузилло: Фокус всегда в этом. Как только вы запугаете людей, они согласны на всё. План предельно ясен. Медицинский кризис был использован для получения абсолютного контроля над экономикой, над жизнью людей. Они хотят преобразовать мир в систему, которая, вероятно, близка к китайской системе. В Китае есть система социальных баллов. У них нет вообще никакой свободы. Они просто в большой клетке, в большой тюрьме, тюрьма под открытым небом, где ты должен исполнять то, что от тебя требуют.

Лилиан Хелд-Хавам: Китай очень важен, потому что это лаборатория из жизни, которая придёт сюда с социальным кредитом и всем этим. Мы хотим, чтобы вы производили, мы хотим, чтобы вы вели себя определённым образом и т.д. Они скажут, теперь ты остаёшься дома, привязанный к определённому месту с умными городами или умными регионами, и ты не сдвинешься со своего места.

Спикер: Где высок уровень заражений, людям будет сказано оставаться в пределах 15 километров от своего дома.

Спикер: Что вы думаете о решении правительства ограничить свободу передвижения от места жительства? Разве это не поднимает юридические вопросы о неотъемлемых правах человека?

Спикер: Одним словом или предложением – год 2020?

Билл Гейтс: Восстановление.

Спикер: 2021?

Билл Гейтс: Нормальность.

Лилиан Хелд-Хавам: Мы говорили: вы будете уникальны и ваша уникальность очень важна. В нормализованном, гипернормализованном мире они хотят, чтобы ты был тем же самым парнем, будь ты в Швейцарии или где бы то ни было, им больше нужна уникальность.

Спикер: Есть много людей, у которых есть смартфоны и, которые используют цифровыми банковскими услугами на своём телефоне. У них есть доступ к деньгам в телефоне, мобильные деньги. Но внезапно люди действительно сказали, Боже мой, чтобы не стоять в очереди за государственным пособием, если я заболел.

Кэтрин Остин-Фиттс: Я хочу сказать, уверяю вас, какое бы кто не платил вам пособие по безработице, оно не стоит того, чтобы отказываться от своей свободы.

Спикер: Это возможность, которую мы можем использовать.

Кэтрин Остин-Фиттс: В конечном счёте, во что это превратится – в систему финансовых транзакций, где я могу остановить вас от перемещения в пространстве, или я могу отключить вашу способность совершать транзакции.

Лилиан Хелд-Хавам: Они хотят, чтобы вы подчинялись и следовали процедурам. Они хотят иметь одинаковые процедуры в Швейцарии, во Франции, в Италии, в Германии, в Китае. Почему? Потому что деньги везде одни и те же по всему миру. Рука, которая держит деньги во всём мире одна и та же.

Вольфганг Водарг: Дискуссия запрещена, если вас утихомирили, если вас стёрли из каналов, если ваши книги сожгли. Я думаю, это не то общество, в котором я хочу жить. А потом я начинаю сражаться.

Метт Стрикленд: Несколько людей пытаются контролировать всех остальных угрозами, угрозами тюремного заключения, угрозами штрафов. А реальность такова, вы знаете, люди, которые придут, чтобы арестовать меня, офицеры, шерифы, полиция, у них же

такой же менталитет. Они тоже американцы. Они не роботы. Они тоже американцы тоже хотят свободы. Прошёл год, и мы всё ещё имеем дело с этими мандатами и правилами, и они всегда используют это слово «временно». Временно. А что такое временно? Я имею в виду, что значит временно? Пять лет? Десять? Это 20 лет? Что значит временно? Я имею в виду, для меня это уже длится так долго, что это уже «постоянно». Вы можете думать, что трудно бороться против правительства. Знаете, это большое плохое правительство, его нельзя победить. Но правительство должно понять, что всё на самом деле наоборот. Они борются против больших плохих людей Америки. Они не могут победить. Нас гораздо больше. И если они хотят этой битвы, они её получают. Мы не собираемся отступить. Правда, американцы не отступят никогда, и мы победим. Мы не собираемся бежать от схватки с правительством. Вы знаете, это то, что они хотят, чтобы вы сделали. Они пытаются побить тебя финансово и со всеми этими различными правилами и мандатами. И они надеются, что в конце концов, ты просто встанешь на колени и поцелуешь кольцо. Но это то, что я никогда не собираюсь делать. Я буду бороться столько, сколько потребуется, так сильно, как придётся. Вольфганг Водарг: Первый шаг иногда очень, очень трудный. Ты просто должен решить, что для тебя важнее что ты, что у тебя все спокойно и нет проблем или что проблем будет больше, если ты не выскажешься.

Даниэль Модел: Атаки на свободу шли от политики, идеологии и так далее. А теперь их совершают эксперты в области здоровья. Если это действительно эксперты по здоровью, я не знаю. Так, что это очень непрозрачная вещь.

Луис Фаучи: Вы считаете, эта пандемия, вирусная проблема? Это санитарная проблема. Но если вы пролистаете назад слои, вы увидите кризис медицины, это кризис науки. Это кризис соц. системы. Политический кризис, кризис финансовый, экономический кризис, кризис образования, общественный кризис. И все эти кризисы уже были. Мне 42 года и всю свою жизнь мне говорили, что у нас кризис. Это кризис. Но теперь это переходит в этот COVID кризис и это возможность всё разрешить. Мы должны воспользоваться этой возможностью если мы ей не воспользуемся всё это вернётся, вернётся снова. Ещё жёстче и насильственнее.

Вера Шарав: Если бы люди сказали «Нет!», Холокоста бы не было. Мы должны принять ответственность за свои решения и иногда они будут не правильные, но мы будем на них учиться. Но если они ошибочны, когда другие принимают эти решения за нас, мы не учимся, а они – никогда не меняются.

Клаудио Грэсс: История действительно важна, потому что те, кто не знает истории, обречены её повторять. И в принципе нет ничего нового под солнцем. Всё, что мы сейчас наблюдаем и все эти вещи уже были. И это было всегда, знаете правители против слуг. И я думаю, что пришло время, знаете это изменить. Люди должны понять, что правители не нужны.

Астрид Штукельбергер, доктор философии: Сказать «Нет!» это условие вашей свободы. Сегодня у тебя есть выбор. У тебя есть выбор – стагнировать и быть заключенным в риторике правительства, медиа, академии, которые хотят, чтобы ты был больным всё время или ты можешь бегать без маски. Ты можешь быть свободным, знаешь своё тело. Знаешь, что здоров, знаешь кто ты и ты можешь просто идти, ты не один.

Вольфганг Водарг: Я теряю все свои подработки, так что я теряю всё. Я теряю друзей.

Вы потеряете много людей, которые не хотят, чтобы вы это говорили, чтобы вы высказывались. Потому что они себя чувствуют плохо, когда вы высказываетесь, а они не осмеливаются высказаться.

Кэтрин Остин-Фиттс: Все пытаются подлизаться к ним, ладить друг с другом, чтобы получить роль в новой системе. Это не та система, в которой вы бы хотели жить.

Вольфганг Водарг: Я несу ответственность как политик, как врач, который знает эти вещи. Я тот, кто учился всю жизнь иметь дело с инфекциями, с эпидемией, с эпидемиологией. Это моя работа. И если бы я промолчал, я бы не смог на себя смотреть в зеркале.

Метт Стрикленд: Храбрость – это сохранять мотивацию, бороться, когда шансы складываются против тебя. Или, когда кажется, что шансы против тебя. Смелость, чтобы продолжать бороться и продолжать верить, что сможешь победить. Вот что значит храбрость.

Пэм Поппер: Что бы я сказала группе людей в центре, которые говорят: «Я знаю, что это неправильно, но я боюсь». Это твой момент, чтобы действительно быть патриотом. Встать за свою страну, за своих друзей, семью, общество, штат, за свою страну. Для этого и нужен ты.

Марко: Свобода и личная ответственность – это как две проекции одной и той же природной субстанции. Если ты себе не диктатор, ты не можешь быть свободным. У нас будет анархия снаружи, когда у нас будет монархия внутри. Итак, государство правит, потому что люди создали такой институт и делегировали ему свои естественные права, право защищать себя, например. Возникает естественный вопрос кто мог делегировать это государству?

Алессандро Фузилло: Правительства, государственные чиновники, те, кто обладает властью, они имеют право делать вещи, которые считались бы преступлением, если бы их совершил любой другой человек.

Марко: В чём смысл голосования если голосующие сами не имеют права совершать то, о чём голосуют? У меня нет права прийти и украсть твои ботинки. Могу ли я проголосовать, чтобы делегировать это право кому-то ещё? Если у меня изначально нет такого права?

Алессандро Фузилло: Итак, например, я не могу украсть ваши деньги. Но если я – государство, я могу сказать: Ок, отдайте мне 40% всего, что вы зарабатываете, потому что это налоги и это не считается грабежом. Это считается налогообложением, и это совершенно законно.

Марко: И поэтому демократия в строгом смысле где вы представляете, что люди, индивидуумы главнее государства означает, что государство может иметь только такую власть, которая могла быть ему делегирована ими изначально. Если никто не имеет права регулировать какие я ем растения или изделия, которые я должен носить на своём лице или инъекции, которые я должен пускать в свою кровеносную систему. Если ни у кого нет этого права навязывать это мне, то никто и не может голосовать за делегирование таких прерогатив такой власти.

Спикер: Одна из жалоб некоторых касательно мандатов это идея, что правительство говорит людям, что те могут делать со своим телом. Вызывает ли это у вас дискомфорт идея говорить людям, что они обязаны принять вакцину?

Доктор Фаучи: Такие необычные ситуации, как эта требует уникальных необычных действий иногда для блага общества, это необходимо.

Ведущая: А канцлер Ангелина Меркель говорит, что вакцины могут стать обязательными с февраля.

Байден: Речь идет не о свободе или о выборе.

Алессандро Фузилло: Что касается вакцин, мы сталкиваемся с очень простой проблемой отношений между человеческими существами. Проблема такова: кто является владельцем собственного тела? Если вы говорите, что вы не являетесь владельцем своего тела, тогда вы можете принять, что правительство может ввести обязательную вакцинацию. Но это нарушение нашего человеческого состояния, основанного по меньшей мере, на владении самим собой.

Клаудио Гресс: Я владею своим собственным разумом. Это война против свободы слова и это также война против ответственности за себя. Когда правительство говорит вам, что делать, как вы должны защищать себя. Но так не должно быть.

Даниэль Модел: Осознанность действительно является главной целью и сознательность, осознанность вот и всё. Так что да, это призыв к пробуждению. А как можно проснуться? Я думаю, что простой метод- это наблюдать за собой, чтобы различать допустим, подлинное я, уникального себя от чего-то другого.

Александра Анрион-Кауд: Я иду по улице. И чего я хочу в своей жизни? Я хочу быть счастливой! Как ты представляешь себя? Сегодня ты решаешь всё, что ты хочешь каков твой следующий шаг и поверь. Доверяй себе, ты знаешь, как идти по жизни. Ты прожил до сих пор и можешь только становиться лучше, но не обращай к медиа или правительству, чтобы узнать - кто ты и что тебе делать. Здесь находится ловушка. Ты не мышь, которая попадает в ловушку. Ты – это ты, твоя жизнь и ты войдёшь в свою прекрасную жизнь.

Даниэль Модел: Пока ты существуешь. Никогда не поздно. Итак, если смысл жизни – это обучение, то тебе, на самом деле это тоже правило предстоит пройти через кризис, чтобы ты, ты проснулся именно таким. Такое может быть. Итак, вы видите отношение властей и что вы жертва и так далее. А затем может один человек решит, Я отказываюсь дальше быть жертвой и я хочу, поддерживать своё существование. И всё ещё есть много способов, конечно.

Александра Анрион-Кауд: На самом деле, быть обиженным и запутаться это приводит тебя к большему саморазвитию и самосознанию. Так что я думаю, что это необходимо, но ты должен понимать, что ты должен работать над этим.

Вольфганг Водарг: Я хочу жить в обществе, где мы стремимся к истине, где мы

пытаемся найти правильный путь для всех нас. Я считаю, что это достойно. Я чувствую себя хорошо, делая это.

Даниэль Модел: Чтобы сохранить свой личный идеализм это одна из самых важных целей в жизни, потому что это задаёт направление. Это даёт любопытство информацию о том, что мешает мне достичь этого и так далее.

Джей Ричардс: Я думаю, что это действительно помогает, мысль, что есть, если у тебя есть высшее предназначение, если у тебя есть призвание за пределами этой жизни и за пределами узкой ситуации в которой ты оказался, ты должен суметь опереться на это. Я думаю, честно, чтобы выдержать враждебность окружающих, считающих тебя сумасшедшим за то, что оспариваешь всё это.

Даниэль Модел, бизнесмен: Вот если бы я сказал, например, обнаружив себя, об идеале, который я ношу в себе. Я многое ношу в себе. Итак, например, мой вероятно, самый большой идеал, который можно достичь, это свобода, свобода. И я знаю, что это идеал, что я не свободен на 100%. Итак, теперь вы многое знаете обо мне, когда я говорю, что свобода важна для меня. И потом, вы знаете, передо мной много препятствий, конечно. И на данный момент у меня даже есть правительство, которое говорит мне такие вещи, что мы и представить себе не могли.

Пару месяцев назад. (надписи на чёрном экране)

Анна студентка: Всё, что часто случается, это всё. Мне 17 лет и я студентка из Германии, Бавария. Мы ходим на демонстрации, потому что мы хотим лучшего мира, больше свободы, больше гражданских прав и этой свободы решать про своё тело, и чтобы никто не заставлял нас делать что-либо с ним, например, носить маски или вакцинироваться. Люди должны носить маски весь день, даже во время занятий спортом, во время физкультуры они должны их носить, маски, потому что им говорят, что иначе это будет их вина, что их бабушки и дедушки умерли, или что их родители заболеют, или что вся школа будет закрыта из-за них, потому что он будут как распространители или супер распространители.

Мы обвиняем вас. Дистанцирование влияет на детей в том смысле, что это плохо для них, для их психического здоровья, потому что они часто нуждаются в таком контакте со своими друзьями. Например, обнимать друг друга и..., не знаю, держаться за руки и прикасаться. Это что-то очень естественное.

Эмма, ученица. Португалия: Мне одиннадцать лет. Я в пятом классе. Я живу в Португалии. Большую часть времени, когда я была в школе, я не могла дышать и у меня начались головные боли. А когда у меня болит голова, я не могу думать о том, что я делаю. Некоторые учителя даже не позволяют нам передохнуть.

Группа маленьких детей в масках

Учительница: Я ношу маску в школе. Я ношу маску в школе. Хей хо оу оу. Я одеваю маску в школе. Это меня защищает. Это помогает мне быть в безопасности. Хай хоу. Это помогает мне быть в безопасности.

Вера Шарав: Сейчас их лишают возможности научиться, как расшифровать людские выражения, язык тела, есть. И это ещё не всё. И когда вы прячете лицо, вы скрываете

всё, по сути, и люди больше не действуют свободно.

Вольфганг Водарг: На глазах у наших детей мы обязаны говорить правду. Наши дети в масках. Это невозможно. Это то, что мы не можем терпеть, что детям так вредят.

Астрид Штукельбергер: Вся учебная программа изменена безо всяких причин. И так, школы – это арена политической войны. И это происходит во Франции и Швейцарии и везде в Европе, что директор школы идёт вместе с официальной историей, и он подчиняется и говорит, мы собираемся закрыть школу. Что происходит? Вы видите, родители начинают задумываться о том, не придётся ли им заниматься образованием детей самостоятельно.

Эмма, ученица. Португалия: У меня нет ощущения, что я многому учусь в школе, потому что, ну они много говорят о COVID и прочем и мало говорят о том, что мы должны изучать по программе. Мы продолжаем носить маски и всё такое и всё такое, а число «случаев» всё равно продолжает расти. Так зачем их носить? Они ничего не делают.

Анна студентка: Для меня маска – это символ рабства и покорности, как будто люди просто подчиняются тому, что говорит правительство, и не задают вопросов. Не задумываясь о том, имеет ли это смысл? Не думают о том, как это плохо для их здоровья.

Вера Шарав: Тот факт, что они могут заставить родителей приостановить свою ответственность за собственных детей и следовать директивам, которые меняются между понедельником и четвергом. Я имею в виду, какого чёрта? Я не могу в это поверить. И мы говорим о людях, которые образованы. И я боюсь, что случится так, что университетское образование... Они превратили выпускников вместо людей думающих в людей соглашающихся. Люди смотрят на авторитет, который сообщит им, каков следующий шаг, что они должны думать, что и как они должны делать, какая идея правильная. И вся идея идти вместе, следовать и всё такое, оправдания. Люди хотят поехать в отпуск, люди хотят этого, люди, которые сдадутся сегодня, возможно, никогда больше не смогут поднять свой голос.

Астрид Штукельбергер: Люди как дети. Они подчиняются правительству, средствам массовой информации не спрашивая себя. Знаете, это ещё и успокоение. Это стокгольмский синдром, мой жестокий родитель защищает меня. Это дилемма: безопасность и насилие.

Маркус Хейц: А это люди, преодолевающие страх, который существует в жизни. Это ты знаешь... Где «слитый» документ из нашего Министерства внутренних дел, и там написано: «Мы должны вызвать страх у людей». Так это был план посеять как можно больше страха среди людей, насколько это возможно, чтобы у каждого ребёнка был страх убить своих бабушек и дедушек, если он выйдет на улицу, посетит их. Всё дело в страхе, мы имеем дело глобально с пропагандой. Глобальная пропаганда страха. Ну, эти люди не выглядят такими уж испуганными. Нет, мы не боимся. Мы не боимся. (музыка снаружи) С одной стороны, вот это действительно фанки... Это становится всё больше и больше. Чем больше они нас заставляют, тем больше людей присоединяется к нам.

Кэтрин Остин-Фиттс: У нас был мир, в котором, знаете, где одна часть земного шара извлекала выгоду, эксплуатируя другую часть земного шара. Сейчас мы в процессе глобализации, и вопрос в том, вырастем ли мы и будем жить в мире, где все могут реализовать свой потенциал? Или это будет лишь несколько человек, а остальные их обслуживают?

Марко: Мы были в промежуточном состоянии, а теперь это всё или ничего. Вот это и есть настоящая роскошь, не мрамор или икра, но тишина, пространство и время. Они хотят создать мир коллективизма, в котором индивиды больше не имеют значения. Для того, чтобы преуспеть, они должны были опровергнуть и фальсифицировать само понятие истины, само понятие добра и зла. Даже если бы была ужасная эпидемия, и мы бы действительно видели людей, падающих на землю, было бы это оправданием для порабощения человечества? Нет, нет, конечно, нет. Почему бы нам не убить всех больных туберкулёзом? Это бы искоренило болезнь? Почему мы не делаем этого? Почему? Почему бы нам не собрать их в лагеря и не истребить их? Это было бы практично. Так почему мы так не поступаем? Никто в здравом уме не будет выступать за совершение такого поступка. Это потому, что это аморально. Значит, мораль существует. Как же тогда определить это слово, и как мы его объясним?

Клаудио Гресс: Мы понимаем, мы способны размышлять. И разум автоматически начинается с золотого правила, что люди ведут себя хорошо, потому что не хотят быть убитыми. Ты не хочешь, чтобы тебя обокрали, ты не хочешь быть убитым.

Джей Ричардс: В конечном итоге, мы должны быть верны истине. А иногда это означает, что на самом деле ситуация, в которой вы окажетесь, может быть очень некомфортной. Вы можете, действительно, в некотором смысле, чувствовать, что вы должны быть против всего мира. Но вы можете быть против мира, но не против самой реальности.

Марко: Единственный выход, который у нас есть, это пытаться жить осознанно, понимая, что вся эта тирания, весь этот цирк абсурден, что это аморально, и не участвовать в этом.

Пэм Поппер: Когда я покину планету, и кто-то напишет мой некролог, что я хочу, чтобы он написал? Хочу ли я, чтобы он сказал: «Ну, ты знаешь эту Пэм, с ней всегда было так легко найти общий язык, просто соглашалась с чем угодно, никогда не поднимала шума ни по какому поводу, никого не разозлила». Ну, возможно, в этом есть какая-то ценность для некоторых людей, но я думаю, что я хочу. Чтобы люди написали обо мне, что я отстаивала что-то, что я принимала сложные решения, что я готова была занять непопулярную позицию, потому что это было правильно.

Кэтрин Остин-Фиттс: Я думаю, в первую очередь, то, с чем мы имеем дело – духовное. И результат зависит от нашей способности духовно развиваться и расти. Так что знаете ли, я говорю всем, смерть – это не худшее, что может случиться здесь. Что может произойти, вы можете проиграть свою бессмертную душу.

Марко: Если ты оставишь страх смерти, то понимаешь, что ни что не может причинить тебе вреда и бояться нечего. Это очень хорошая новость. Если ты это осознаешь, то ты свободен.

Клаудио Гресс: Обними своего друга, поговори с соседом. Сними свою маску и вернись

к принятию того, что мы страдаем, что мы умираем, что мы болеем и что мы должны принимать...

Луис Фаучи: Будьте вместе как братья, помогайте друг другу.

Александра Анрион-Кауд: Сказав этому всему «НЕТ», вы говорите «ДА» новой жизни и новому обществу. И это прекрасно, и ты всегда получишь помощь и поддержку людей, которые становятся свободными, потому что они приветствуют любого, кто желает измениться. Даже если я иду на риск, даже если у меня нет денег, даже если у меня нет образования, я справляюсь по жизни и многие справятся и многие смогут прожить прекрасную жизнь.

Кэтрин Остин-Фиттс: У нас нет власти, чтобы остановить управляющих центральных банков в том, что они творят, но я предсказываю, что они потерпят неудачу. Это слишком трудно, это слишком сложно и это слишком противоречит законам природы или законам высшего разума.

Сефано Монтанари: В конце этого мира произойдет, своего рода, революция, я уверен, потому что сейчас все это против природы, против науки. И это не может длиться долго, так что в конце правда победит.

Бишоф Шнайдер: Я надеюсь, что они поднимутся, люди со здравым смыслом из разных частей общества с доброй волей, готовые противостоять новым формам диктатуры в западном мире.

Даниэль Модел: А что ты можешь сделать? Ну, во - первых, я бы сказал, будь сам той переменной, которую хочешь увидеть в мире. Начни с себя.

Керри Мадей: Займитесь самообразованием, мысли критически, сейчас это очень важно.

Майкл Йидон: Не надо делать то, что тебе говорят коррумпированные ученые, которые, очевидно, консультируют наше правительство.

Дэвид Мартин: И прежде, чем вступить в сделку с дьяволом, где в обмен на этот блестящий предмет, может быть, авиаперелеты, может быть посещение концертов, может быть, чтобы это ни было, ты получишь это, только если ты примешь внутрь себя этот индустриальный химический препарат. Задай себе вопрос, будешь ли ты полноценно функционирующим, человеком в конце этой транзакции?

Каламе Натали: Надеюсь, все граждане, сознательные граждане продолжат борьбу за возрождения общества и мира.

Ян Смит: Борьба у всех разная, так что главное – найти где вы будете наиболее полезны и где вы можете помочь сопротивлению против всех этих посягательств на наши свободы, потому что реальность такова, что нас атакуют со всех сторон.

Алессандро Фузилло: Гражданское неповиновение, бойкот предприятий, которые требуют зеленый паспорт, выход на улицу с митингами и протестами и противостояние в суде.

Клаудио Гресс: Мы хотим быть единым народом братьев, никогда не расставаться в опасности и беде. Мы хотим быть свободными, как наши отцы и лучше умрем, чем будем жить в рабстве. Мы хотим уповать на Единого Высшего Бога и никогда не бояться человеческой власти.

Провозглашающая на улице в колонне: Родителям, которые не знают, как жить дальше – мы о вас не забываем, вы не забыты!!! Всем тем, кого оставили в одиночестве – вы не забыты!!! Вы не забыты!!! Учителя задавайте вопросы и действуйте соответственно, задавайте вопросы и действуйте соответственно!!!

Муниципальные политики задавайте вопросы и действуйте соответственно, задавайте вопросы и действуйте соответственно!!!! Йенс Шпан, Ангела Меркель, Маркус Зедер, мы обвиняем вас!!! Мы обвиняем вас!!!!!!

Всем критически мыслящим людям присоединяйтесь к нам, присоединяйтесь к нам!!!!
Всем, кому пришлось отказаться от мечты всей своей жизни – мы маршируем за вас,
мы маршируем за вас!!!!

Вольфганг Водарг: Если они хотят сделать из нас машину, если они хотят сделать из нас рабов, мы говорим – НЕТ, мы не хотим становиться рабами. Так что отвалите! Вы нам больше не нужны! Нас много! Мы можем просто пойти дальше, мы можем просто ходить в бары и ходить в магазины, нам не нужно бояться никакой пандемии.

от hm

Источники:

Planet Lockdown

<https://odysee.com/@PlanetLockdown:6/Planet-Lockdown-Film-German:0>

Может быть вас тоже интересует:

#Coronavirus-RU - Коронавирус - www.kla.tv/Coronavirus-RU

#Vakzinaziya - Вакцинация. Факты и предпосылки... - www.kla.tv/Vakzinaziya

#Politika-RU - Политика - www.kla.tv/Politika-RU

Kla.TV – Другие новости ... свободные – независимые – без цензуры ...

- О чем СМИ не должны молчать ...
- Мало слышанное от народа, для народа...
- регулярные новости на www.kla.tv/ru

Оставайтесь с нами!

Бесплатную рассылку новостей по электронной почте

Вы можете получить по ссылке www.kla.tv/abo-ru

Инструкция по безопасности:

Несогласные голоса, к сожалению, все снова подвергаются цензуре и подавлению. До тех пор, пока мы не будем сообщать в соответствии с интересами и идеологией системной прессы, мы всегда должны ожидать, что будут искать предлоги, чтобы заблокировать или навредить Kla.TV.

Поэтому объединитесь сегодня в сеть независимо от интернета!

Нажмите здесь: www.kla.tv/vernetzung&lang=ru

Лицензия: *Creative Commons License с указанием названия*

Распространение и переработка желательно с указанием названия! При этом материал не может быть представлен вне контекста. Учреждения, финансируемые за счет государственных средств, не могут пользоваться ими без консультации. Нарушения могут преследоваться по закону.